

Э. Э. Шульц

ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИЙ, ИЛИ ДИСКУССИЯ БЕЗ КОНЦА (НА ПРИМЕРЕ «ТЕОРИИ КРИЗИСА XVII ВЕКА»)

Статья посвящена историографии проблемы причин революции с позиций концепции «теории кризиса XVII в.» и структурно-демографической теории Д. Голдстоуна, подходам исследователей и критическим позициям. Актуальность подобных исследований обуславливается нерешенностью комплекса проблем, связанных с определением причин такого социально-политического явления, как революция, что с новой силой поднимает вопросы в преддверии столетнего юбилея Русской революции. Библиогр. 29 назв.

Ключевые слова: причины революций, теория революций, теория кризиса XVII в., концепция Голдстоуна, структурно-демографическая концепция.

E. E. Shults

REASONS OF REVOLUTIONS OR DISCUSSIONS WITHOUT END (ON THE EXAMPLE OF “THE THEORY OF CRISIS OF THE 17th CENTURY”)

The article is devoted to the historiography of the problem of the reasons of revolutions from the point of view of “the theory of the 17th century crisis “ and the structural-demographic theory of J. Goldstone, to approaches of researchers and critical positions. The relevance of such research is prompted by a suspense of the complex of problems connected to definition of the reasons of such socio-political phenomenon as revolution that with a new force brings up questions in the run-up to the 100-year anniversary of the Russian revolution. Refs 29.

Keywords: reasons of revolutions, theory of revolution, theory of crisis of the 17 c., Goldstone’s conception, structural demographic theory.

Определение причин революций является одной из самых сложных и дискутируемых тем во всех общественных науках. Общий обзор ключевых точек зрения и направлений мы уже приводили в другой работе [1], здесь же остановимся на одной концепции, которая, с одной стороны, является хорошо забытой, а с другой — до сих пор, прямо или опосредованно, оказывает влияние на исследователей. Речь идет о «теории кризиса XVII в.», которая появилась в 50-х годах XX в., привела к жарким дебатам в 1960–1970-е годы и до сих пор находит сторонников и противников [см.: 2, р. 12–14, 32–36, 45; 3, р. 32–36; 4–6].

На наш взгляд, эта теория послужила стимулом к появлению структурно-демографической теории Джека Голдстоуна, а также росту популярности среди исследователей последних десятилетий «мальтузианской ловушки» в качестве главной причины революций. Кроме того, «теория кризиса XVII в.» не только интересна сама по себе, но и показательна с точки зрения общего состояния изучения проблемы причин революций. Примечательно, что Дж. Эллиот в вышедшем в 2005 г. сборнике «Европа начала Нового времени: от кризиса до стабильности» назвал свою статью о кризисе XVII в. «Дискуссия без конца» [3].

Шульц Эдуард Эдуардович — кандидат исторических наук, Центр политических и социальных технологий, Российская Федерация, 121433, Москва, ул. Филевская Б., 55, оф. 45; nuap1@yandex.ru

Shults Eduard E. — PhD, Center of Political and Social Technologies, of. 45, 55, ul. Filevskaya B., Moscow, 121433, Russian Federation; nuap1@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

Обратимся к выдвинутым положениям и их критике.

В 1954 г. английский историк Эрик Хобсбаум опубликовал статью «Общий кризис европейской экономики в XVII веке», которая положила начало продолжительным дебатам на тему кризиса XVII в. и его роли в качестве причины европейских революций [3, р. 32–36; 6–7]. Согласно Хобсбауму, Европе в XVII в. был присущ общий социально-революционный кризис: революция в Англии, Фронда во Франции, Неаполитанская и Португальская революции, швейцарская крестьянская война 1653 г. [6, р. 5, 12; 29]. Главное положение Хобсбаума о причинах этих явлений заключалось в том, что кризис XVII в. в Европе был связан с последней стадией перехода от феодальной к капиталистической экономике, и именно это в корне отличало кризис XVII в. от всех предшествующих [6, р. 5].

Как видим, это четкий марксистский постулат, и не только с точки зрения формационных переходов, но и идеи об общеевропейской революции [см.: 8]. Эту особенность Хобсбауму ставили в упрек, но, в большей части, его положения стали рассматриваться отдельно, вне методологического контекста, поэтому принципиальные вопросы о самой правомерности формационного подхода не коснулись критики «теории кризиса XVII в.».

Согласно теории Хобсбаума, в XVII в. существовал общий для Западной и Центральной Европы (некоторые авторы включают сюда и Восточную Европу) экономический и политический кризис, который стал причиной волн социального протеста и революций в Европе [5, р. 3; 6, р. 5, 12, 29; 9, р. 51]. «Эти революции отличались от места к месту, и, если изучать их отдельно, кажется, что они случились из-за особых, местных причин; но если рассматривать их в совокупности, то проявляется столько общих черт, что все они уже кажутся одной общей революцией», — писал один из основателей «теории кризиса XVII в.» Хью Тревор-Роупер, перечисляя уже упомянутые Хобсбаумом примеры выплеска радикальных форм социального протеста [9, р. 43]. Со временем к европейским событиям начали прибавлять крестьянские войны в России, восстания в Китае и соотносить всплески протестных волн на далеком Востоке с европейскими [см.: 10, р. 137; 11, р. 6].

Итак, зародившись как экономический, этот кризис достаточно быстро стал представляться как всеобъемлющий, охвативший всю Европу и все сферы жизнедеятельности. Как проявление этого кризиса стали приводиться не только революции в Нидерландах и Англии и гражданские войны (например, Фронда во Франции и др.), но также всевозможные мелкие восстания. (Отметим, что фактически в общем списке событий проявляются лишь две революции: Нидерландская и Английская.)

Во-первых, необходимо отметить, что исследователи соглашались большей частью с наличием кризиса, но сильно расходятся в оценке его характера [см.: 12, р. 32]. Во-вторых, необходимо понять, были ли эти условия уникальными и стало ли именно это причиной революций.

Джек Голдстоун в контексте разбираемой теории и событий считал, что Английская революция была более успешна, чем французская Фронда, потому что английская монархия была значительно слабее [13, р. 28]. Однако слабость английской короны в сравнении с французской не очевидна. Можно, например, указывать на то, что Карл I длительное время достаточно успешно воевал с оппозицией, в то время как регенты малолетнего Людовика XIV ничего не могли поделать с фронде-

рами и фактически не подвергли их опале и казням. К этому можно еще добавить, что Франция 20–40-х годов XVII в. — это страна ежегодных городских восстаний, постоянных крестьянских войн, в то время как в Англии первая половина века была отмечена противостоянием обоих королей с парламентом, но к серьезному социальному противостоянию это не вело.

Ллойд Муут справедливо отметил, что слабость режима — самый неочевидный кандидат на причину революций в раннее Новое время, так как уязвимость правительств и государей была характерной чертой этого времени для всех стран Европы. По мнению исследователя, дело в том, что правительственная слабость, неудовлетворенность элит и институциональные двигатели протеста все должны были быть проверены политическим кризисом [10, р. 137].

Проблема слабости власти связана с прогнозированием революционных событий, однако, как показывает история революций, они становились неожиданностью и для власти, и для населения. Так, в Англии 1639 г., Франции 1788 г. и в России 1916 г. вряд ли нашелся бы хоть один человек, кто поставил бы на то, что через год в их странах падут абсолютные монархии и разразятся революции. «Верно то, что в конце 1786 г. — писал исследователь Великой французской революции Эмэ Шерэ, — никто не верил в скорое наступление революции, и даже после того, как она произошла, современники все-таки оставались в убеждении, что ее легко было бы избежать» [14, с. 75]. Как писал другой исследователь, Альбер Матъез, Французская революция поражала «своей стихийной неожиданностью как самих участников ее, так и свои жертвы» [15, с. 23]. В феврале 1917 г. В. И. Ленин — человек, который посвятил организации революции в России всю свою жизнь и деятельность, говорил, что он сам и его поколение до революции не доживут, что революцию увидят следующие поколения [16, с. 220; 17, с. 162]. Абсолютно неожиданными для современников стали и Мексиканская революция 1910–1920 гг., и Иранская 1978 г. [см.: 18, р. 3], и эти примеры можно множить до границ всех известных революций. Когда постфактум происходят рассуждения о необычайной слабости власти, которую только ленивый мог бы не свергнуть, об очевидности революции, ее объективных причинах произойти именно здесь и сейчас, необходимо, на наш взгляд, мысленно возвращаться к изложенным фактам.

Приверженцы «теории кризиса XVII в.» выделяют в качестве кризисного именно XVII в. — весь или до середины, с захватом конца XVI в. или без, XVI и XVIII столетия признаются веками процветания в противовес XVII в. Однако XVI в. сотрясали крестьянские войны, которые выглядели едва ли не более масштабно, чем восстания XVII в., а в конце XVIII в. случились две революции, которые вошли в историю как Великие, затронули сами основания европейского (и мирового) политического, экономического и культурного уклада, а Великая французская революция и последовавшие войны втянули в свою орбиту такое количество участников, которое, на верное, превышает сумму участников всех революций и восстаний XVII в.

Далее, нет полного понимания: рост цен — это экспансия или кризис, стагнация цен — экономический спад или благополучие для населения [19, р. 154]. Здесь следует привести и вполне справедливое замечание Фернана Броделя: «Новая экономическая и социальная история на первый план исследований выдвинула циклические колебания и их длительность: она ухватила за мираж, за реальность циклических подъёмов и спадов цен» [20, с. 32].

Еще одним краеугольным камнем «теории кризиса XVII в.», заложенным Хобсбаумом, является положение, что неспособность феодальной экономики достигнуть необходимого экономического развития вела в условиях прироста населения шестнадцатого века к эмиграции и военно-политическому расширению, т. е. к колониальной системе на Западе, возвышению Швеции и феодальной колонизации на Востоке [6, p. 57]. Джоффри Паркер и Лесли Смит утверждали, что население, пойманное в ловушку дефицита продовольствия, в XVII в. имело на выбор три пути: миграция, голодание или восстание [11, p. 9]. Однако это не было новостью для XVII в. и не стало его уникальностью — подобные явления происходили до и после и в не меньших масштабах. Кроме того, как утверждает ряд исследователей, в XVII в. население в Европе почти не росло или росло крайне низкими темпами, говорить же о мальтузианском кризисе вообще не представляется возможным [см.: 21, p. 4, 5; 7].

Принцип мальтузианской ловушки — конфликт роста уровня населения с производящими возможностями — стал одной из социально-экономических моделей так называемых доиндустриальных обществ. При этом необходимо учитывать, что, как справедливо отметил Франсуа Крузэ, на сегодняшний день нет полностью удовлетворяющей теории развития для доиндустриальных экономических систем, а мальтузианская модель выступает одной из таких моделей, которая получила популярность на определенном отрезке исторического развития [22, p. 87]. С точки зрения критики мальтузианской ловушки необходимо отметить, что, во-первых, выдвинутый в качестве главенствующего в экономическом развитии принцип мальтузианской ловушки часто сводит изображение истории до XIX в. к максимально упрощенному пониманию и примитивизации [23, с. 14]. Во-вторых, демографический рост рассматривается многими исследователями как двигатель прогресса в Западной Европе с 1000 по 1800 гг. [22, p. 10, 88]. В-третьих, способность обществ конца Средних веков и Нового времени не только выживать, но и развиваться ставит подобную модель под обоснованное сомнение. Кроме того, эти общества, находившиеся под дамокловым мечом «мальтузианской ловушки», смогли достичь высокого уровня культуры, что требует высвобождения из производственного процесса большого количества людей (подробный анализ см.: [24, с. 388–395]). Жан Бодрийяр абсолютно справедливо подметил, что «все общества всегда расточали, разбазаривали, расходовали и потребляли сверх строго необходимого в силу той простой причины, что только в потреблении излишка, избытка индивид, как и общество, чувствует себя не только существующим, но и по-настоящему живущим» [25, с. 67]. Это сверхпотребление, а также способность этих обществ получить излишки для высвобождения большого числа людей из производственного процесса, развивать культуру и науки делают принцип мальтузианской ловушки во многом несостоятельным. Возникают вопросы и с точки зрения причинно-следственных связей. Во-первых, вопрос о влиянии революций на экономику остается достаточно спорным [см.: 26]. Если мальтузианская ловушка являлась причиной революций XVII в., то революции должны были их устранять (чтоб не сохранять причину для новых революций), но ликвидировала этот социально-экономический феномен только промышленная революция. То есть бунт не устранял свою «причину», а если так, то, следуя логике причинно-следственных связей, он должен был возникать снова и снова и переходить в непрекра-

щающийся бунт до тех пор, пока количество населения не уменьшится настолько, чтобы снова повысить уровень материального благосостояния на душу населения. Однако такие масштабные и продолжительные смуты (которые способны были унести огромное количество населения) приводят к полному упадку экономики, так что уровень материального благосостояния после таких бунтов существенно ниже, чем до. То есть это должно было бы вызывать еще большее недовольство и новые бунты. Подобное развитие событий невозможно даже теоретически и на практике никогда не встречалось.

Таким образом, то, что экономический рост «съедается» ростом населения (ВВП растет, а доход на душу населения падает), в качестве теоретического постулата и абстрактной экономической модели — вполне состоятельный принцип. В применении к реалиям и как основа далеко идущих выводов, особенно связанных со всплеском социального протеста, — вызывает огромное количество вопросов и замечаний.

При этом самый главный вопрос: если кризис был общеевропейским, а экономические проблемы, политический кризис, слабость режимов были характерными чертами всех стран Старого света, то почему революции произошли только в Нидерландах и Англии? Мы ведем речь исключительно о революциях, поэтому прочие проявления различных форм социального протеста, на которые ссылаются приверженцы «теории кризиса XVII в.» или структурно-демографической теории Голдстоуна, целенаправленно опускаются, но даже если брать их в расчет, эти социальные столкновения не охватывают все страны Европы и их количество крайне мало в сравнении с XVI и XVIII вв., когда власть, следуя логике, была сильной (или сильнее), а кризиса не было (или он был меньше, чем в XVII в.).

Джек Голдстоун утверждал, что причиной Английской революции стал рост населения, а не развитие капитализма [13, р. 22, 29]. При этом американский политолог специально указывал, что возрастающее население и последовательные растущие цены и широко распространенное финансовое бедствие не были уникально английскими или капиталистическими явлениями [13, р. 34–36]. Исследователь считал это одним из неопровержимых доказательств, однако, на наш взгляд, это не решает вопрос, а возвращает к нему: почему же революция произошла только в Англии (и Нидерландах), а не во всех странах Европы, для которых были характерны все перечисленные условия?

Очевидность того, что XVIII и XIX вв. дали не меньшее, если не большее, количество социальных возмущений, особенно это касается такого социально-политического феномена, как революция, а также критические замечания в адрес «теории кризиса XVII в.» способствовали, на наш взгляд, появлению концепции Джека Голдстоуна, где речь идет уже не только о XVII в. (или его части), а об определенных волнах демографического роста на протяжении всего Нового времени, к которым исследователь привязал периоды революций и значимых народных выступлений (восстаний, крестьянских войн и т. д.). Так, первая такая волна в Новом времени дала Нидерландскую и Английскую революции; вторая волна — с 1770 по 1850 гг. — привела к французским революциям, революциям в Европе 1848–1850 гг., крестьянской войне Пугачева в России и т. д.; а период 1660–1760 гг., когда демографическая ситуация ухудшалась, отметился в истории лишь некоторыми малозначимыми социальными выступлениями [27, р. 2–3].

Для того чтобы понять причинную структуру и природу государственных кризисов, по мнению исследователя, необходимо ответить на вопрос, влиял ли демографический рост на рост цен, затрагивали ли эти изменения государственные доходы, доход и условия занятости населения в целом [12, р. 27, 31]. Рост населения может вести к росту цен на продовольствие (и товары), но к этому ведут и неурожайные годы и процесс инфляции — на таких длительных временных промежутках, которые рассматриваются, этот процесс является закономерным явлением даже вне зависимости от роста или убыли населения. Рост цен и особенно проблемы казны чаще всего были вызваны иными факторами и событиями: войнами, расточительностью и неразумной политикой — причем эти проблемы могли доставаться по наследству правителям, при которых случались революции. Алексис Токвиль справедливо утверждал, что истощение Франции (в первую очередь казны) началось при Людовике XIV, еще в период его победоносных войн, почти за столетие до Французской революции [28, с. 151]. Таким образом, сложно оспаривать тезис, что циклические взаимодействия демографического роста с социальными, экономическими и политическими институтами (особенно при неэластичности этих институтов) могут оказывать влияние на социальную напряженность в обществе и давать всплески активности социального протеста, но тогда сам демографический фактор не является самостоятельным, а насколько определяющим — остается под вопросом.

Следует отметить, что Голдстоун во всех своих работах рассматривает революции и различные проявления радикальных массовых форм социального протеста (крестьянские войны, восстания, мятежи и т. д.) совместно, не разделяя их. Этот подход сам по себе уже вызывает критические замечания, так как революция является событием редким и отдельно стоящим от всего набора ее составляющих: государственного переворота, социального протеста, реформ в обществе, взятых по отдельности. В конце концов, выдвигаемые Голдстоуном принципы в интерпретации самого же исследователя становятся в рассуждениях факторами, влияющими на политические кризисы, оказывающими давление на политические системы, в том числе, выплеск радикальных массовых форм социального протеста, однако не обязательно являются причинами этого выплеска, и тем более причинами революций.

Рассмотренные в данном обзоре концепции и дискуссии вокруг них ярко демонстрируют состояние предмета изучения причин революций. На сегодняшний день, пожалуй, не выдвинуто ни одной версии того, что именно является причиной революций, которая не была бы подвергнута не только обоснованному сомнению, но даже полновесной критике. При этом, при наличии серьезной критики формационного подхода и роли революций в переходе от стадии к стадии, именно это положение в «теории кризиса XVII в.», выдвинутое Э. Хобсбаумом, выглядит наименее уязвимым. XVII в., который преподнес первую в истории революцию — Английскую, или две первые: Нидерландскую и Английскую, конечно, стоит особняком, однако вряд ли изучение причин революций может основываться на разборе одной или двух революций и одного века, пусть и самого кризисного, с точки зрения ряда ученых. Исследования, касающиеся теории революции, демонстрируют, что только комплексный подход в изучении революций, когда используется сравнительный метод для нескольких однотипных явлений, позволяет выстраивать жизнеспособные концепции [см.: 29].

Литература

1. Шульц Э. Э. Причины революций: голова или кошелек? // Историческая психология и социология истории. 2014. № 1. С. 102–119.
2. Early Modern Europe: From Crisis to Stability / ed. by Philip Benedict, Myron P. Gutmann. Newark: University of Delaware Press, 2005. 318 p.
3. Elliot J. H. The General Crises in Retrospect: A Debate without End // Early Modern Europe: From Crisis to Stability / ed. by Philip Benedict, Myron P. Gutmann. Newark: University of Delaware Press, 2005. P. 31–51.
4. Elliot J. H. Revolution and Continuity in Early Modern // The General Crisis of the Seventeenth Century. Second edition / ed. by Geoffrey Parker, Lesley M. Smith. Routledge, 1997. P. 109–127.
5. Hill C. Introduction // Crisis in Europe 1560–1660 / ed. by Trevor Aston. Routledge, 2011. P. 1–4.
6. Hobsbawm E. J. The Crisis of the Seventeenth Century // Crisis in Europe 1560–1660 / ed. by Trevor Aston. Routledge, 2011. P. 5–58.
7. Hobsbawm E. J. The General Crisis of the European Economy in the 17th Century // Past & Present. 1954. N 5. P. 33–53.
8. Шульц Э. Э. Теория революции Маркса в контексте общественной мысли XIX в. в Европе // Вопросы управления. 2014. № 2. С. 32–42.
9. Trevor-Roper H. The Crisis of the Seventeenth Century. Religion, the Reformation, and Social Change. Indianapolis: Liberty Fund, 2001. 451 p.
10. Moote A. L. The Preconditions of Revolution in Early Modern Europe: Did They Really Exist? // The General Crisis of the Seventeenth Century. 2nd ed. / ed. by Geoffrey Parker, Lesley M. Smith. Routledge, 1997. P. 128–152.
11. Parker G., Smith L. M. Introduction // The General Crisis of the Seventeenth Century. 2nd ed. / ed. by Geoffrey Parker, Lesley M. Smith. Routledge, 1997. P. 1–31.
12. Steensgaard N. The Seventeenth-century Crisis // The General Crisis of the Seventeenth Century. 2nd ed. / ed. by Geoffrey Parker, Lesley M. Smith. Routledge, 1997. P. 32–56.
13. Goldstone J. A. Capitalist Origins of the English Revolution: Chasing a Chimera // Revolution: Critical Concepts in Political Science / ed. by O’Kane R. H. T. Taylor & Francis, 2000. Vol. 3. P. 5–42.
14. Шерэ Э. Падение старого режима. 1787–1789. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1907. Т. 1. 393 с.
15. Матвез А. Французская революция. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 576 с.
16. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: в 10 т. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1989. Т. 2. 384 с.
17. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: в 10 т. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1989. Т. 3. 368 с.
18. Kurzman C. The Unthinkable Revolution in Iran. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. 304 p.
19. Romano R. Between the Sixteenth and Seventeenth Centuries. The Economic Crisis of 1619–22 // The General Crisis of the Seventeenth Century. 2nd ed. / ed. by Geoffrey Parker, Lesley M. Smith. Routledge, 1997. P. 153–206.
20. Бродель Ф. Очерки истории / пер. с фр. М.: Академический проект; Альма Матер, 2015. 223 с.
21. Vries J. de. Economy of Europe in an Age of Crisis. 1600–1750. Cambridge University Press, 1976. 284 p.
22. Crouzet F. A History of the European Economy, 1000–2000. Charlottesville; London: The University Press of Virginia, 2001. 329 p.
23. Кларк Г. Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира / пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2009. 544 с.
24. Шульц Э. Э. Технологии бунта. (Технологии управления радикальными формами социально-го протеста в политическом контексте.) М.: Подольская фабрика офсетной печати, 2014. 512 с.
25. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.
26. Шульц Э. Э. Революции и теория модернизации // Вопросы управления. 2015. № 6 (37). С. 18–26.
27. Goldstone J. A. Revolution and rebellion in the early modern world. Berkeley: University of California Press, 1991. 608 p.
28. Токвиль А. Старый порядок и революция / пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2008. 248 с.
29. Шульц Э. Э. «Теория революции»: к истории изучения, систематизации и современному состоянию // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2015. № 1 (198), вып. 33. С. 167–172.

Для цитирования: Шульц Э.Э. Причины революций, или Дискуссия без конца (на примере «теории кризиса XVII века») // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. Вып. 4. С. 301–309. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2017.402>

References

1. Shults E. E. Prichiny revoliutsii: golova ili koshelek? [Reasons of revolutions: head or purse?]. *Istoricheskaia psikhologiya i sotsiologiya istorii*, 2014, no. 1, pp. 102–119. (In Russian)
2. *Early Modern Europe: From Crisis to Stability*. Eds Ph. Benedict, M. P. Gutmann. Newark: University of Delaware Press, 2005. 318 p.
3. Elliot J. H. The General Crises in Retrospect: A Debate without End. *Early Modern Europe: From Crisis to Stability*. Eds Ph. Benedict, M. P. Gutmann. Newark: University of Delaware Press, 2005, pp. 31–51.
4. Elliot J. H. Revolution and Continuity in Early Modern. *The General Crisis of the Seventeenth Century*. 2nd ed. Eds G. Parker, L. M. Smith. Routledge, 1997, pp. 109–127.
5. Hill C. Introduction. *Crisis in Europe 1560–1660*. Ed. by T. Aston. Routledge, 2011, pp. 1–4.
6. Hobsbawm E. J. The Crisis of the Seventeenth Century. *Crisis in Europe 1560–1660*. Ed. by T. Aston. Routledge, 2011, pp. 5–58.
7. Hobsbawm E. J. The General Crisis of the European Economy in the 17th Century. *Past & Present*, 1954, no. 5, pp. 33–53.
8. Shults E. E. Teoriia revoliutsii Marksa v kontekste obshchestvennoi mysli XIX v. v Evrope [The theory of revolution of Marx in the context of social thought of the 19th century in Europe]. *Voprosy upravleniia*, 2014, no. 2, pp. 32–42. (In Russian)
9. Trevor-Roper H. *The Crisis of the Seventeenth Century. Religion, the Reformation, and Social Change*. Indianapolis, Liberty Fund, 2001. 451 p.
10. Moote A. L. The Preconditions of Revolution in Early Modern Europe: Did They Really Exist? *The General Crisis of the Seventeenth Century*. 2nd ed. Eds G. Parker, L. M. Smith. Routledge, 1997, pp. 128–152.
11. Parker G., Smith L. M. Introduction. *The General Crisis of the Seventeenth Century*. 2nd ed. Eds G. Parker, L. M. Smith. Routledge, 1997, pp. 1–31.
12. Steensgaard N. The Seventeenth-century Crisis. *The General Crisis of the Seventeenth Century*. 2nd ed. Eds G. Parker, L. M. Smith. Routledge, 1997, pp. 32–56.
13. Goldstone J. A. Capitalist Origins of the English Revolution: Chasing a Chimera. *Revolution: Critical Concepts in Political Science*. Ed. by O'Kane R. H. T. Vol. 3. Taylor & Francis, 2000, pp. 5–42.
14. Cheuret E. *Padenie starogo rezhima 1787–1789 [Falling of Old regime. 1787–1789]*, vol. 1. St. Petersburg, Brokgauz-Efron, 1907. 393 p. (In Russian)
15. Mathiez A. *Frantsuzskaia revoliutsiia [French revolution]*. Rostov-na-Donu, Feniks Publ., 1995. 576 p. (In Russian)
16. *Vospominaniia o Vladimire Il'iche Lenine [Memories of Vladimir Ilyich Lenin]*, in 10 vols. Vol. 2. Moscow, Izd-vo politicheskoi literatury, 1989. 384 p. (In Russian)
17. *Vospominaniia o Vladimire Il'iche Lenine [Memories of Vladimir Ilyich Lenin]*, in 10 vols. Vol. 3. Moscow, Izd-vo politicheskoi literatury, 1989. 368 p. (In Russian)
18. Kurzman C. *The Unthinkable Revolution in Iran*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 2004. 304 p.
19. Romano R. Between the Sixteenth and Seventeenth Centuries. The Economic Crisis of 1619–22. *The General Crisis of the Seventeenth Century*. 2nd ed. Eds G. Parker, L. M. Smith. Routledge, 1997, pp. 153–206.
20. Braudel F. *Ocherki istorii [History sketches]*. Moscow, Akademicheskii proekt; Al'ma Mater Publ., 2015. 223 p. (In Russian)
21. Vries J. de. *Economy of Europe in an Age of Crisis. 1600–1750*. Cambridge University Press, 1976. 284 p.
22. Crouzet F. *A History of the European Economy, 1000–2000*. Charlottesville, London, The University Press of Virginia, 2001. 329 p.
23. Clark G. *Proshchai, nishcheta! Kratkaia ekonomicheskaiia istoriia mira [A Farewell to Alms: a Brief Economic History of the World]*. Trans. from Engl. Moscow, Institut Gaidara Publ., 2009. 544 p. (In Russian)
24. Shults E. E. *Tekhnologii bunta. (Tekhnologii upravleniia radikal'nymi formami sotsial'nogo protesta v politicheskom kontekste) [Technologies of Riot. (Technologies of management of radical forms of social protest in a political context)]*. Moscow, Podol'skaia fabrika ofsetnoi pechati, 2014. 512 p. (In Russian)

25. Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniia. Ego mify i struktury* [Consumer society. Its myths and structures]. Moscow, Respublika; Kul'turnaia revoliutsiia Publ., 2006. 269 p. (In Russian)
26. Shults E. E. Revoliutsii i teoriiia modernizatsii [Revolutions and theory of modernization]. *Voprosy upravleniia*, 2015, no. 6 (37), pp. 18–26. (In Russian)
27. Goldstone J. A. *Revolution and rebellion in the early modern world*. Berkeley, University of California Press, 1991. 608 p.
28. Tocqueville A. *Saryi poriadok i revoliutsiia* [Old Regime and the revolution]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2008. 248 p. (In Russian)
29. Shults E. E. «Teoriiia revoliutsii»: k istorii izucheniia, sistematizatsii i sovremennomu sostoiianiiu [“Theory of revolution”: to history of studying, systematization and the current state]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. History, Politology, Economy, Informatics. 2015, no. 1 (198), issue 33, pp. 167–172. (In Russian)

For citation: Shults E. E. Reasons of revolutions, or Discussions without end (on the example of «the theory of crisis of the 17th century»). *Vestnik SPbSU. Political Science. International Relations*, 2017, vol. 10, issue 4, pp. 301–309. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2017.402>

Статья поступила в редакцию 21 августа 2017 г.
Статья рекомендована в печать 20 сентября 2017 г.